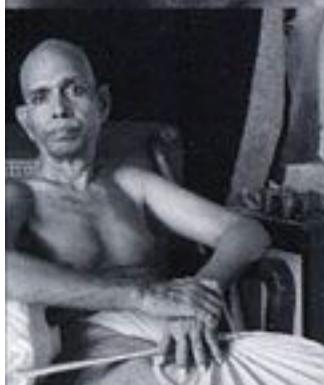

Дэвид Гогман

Встречи,
приводящие
к трансформации

СИЛА ПРИСУТСТВИЯ

Дэвид Годман

Сила присутствия. Том 1

«ИД Ганга»

2012

Годман Д.

Сила присутствия. Том 1 / Д. Годман — «ИД Ганга», 2012

ISBN 978-5-98882-171-7

Трехтомник «Сила присутствия» – сборник рассказов-воспоминаний учеников Шри Раманы Махарши, одного из величайших духовных учителей XX века. О своем наставнике вспоминают ученые, писатели, бродяги-садху и домохозяйки, делаясь с нами уникальным в каждом случае опытом общения с великим Учителем. Через некоторых из них случилось просветление. Читая эти рассказы, вы можете обрести более полное и глубокое понимание учения Раманы Махарши, поскольку оно проиллюстрировано здесь многочисленными историями из его жизни и беседами с ним. Даже просто чтение о таких людях очищает нас и дарует вдохновение.

ISBN 978-5-98882-171-7

© Годман Д., 2012

© ИД Ганга, 2012

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Предисловие ко второму изданию	9
Ранган	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дэвид Годман

Сила присутствия. Том 1

DAVID GODMAN

The Power of the Presence

Transforming Encounters with Sri Ramana Maharshi

Part One

Avadhuta Foundation, USA, 2001

© Godman D., text 1994

Перевод с английского Виолетты Ремизовой

Благодарности

Я признателен многим людям, помогавшим мне подготовить эту книгу. Особенно хотелось бы поблагодарить четырех переводчиков – д-ра Венкатасубра-маньяна, Васанта Котхари, М. В. Раманачалам и шримати Хемамалини – которые перевели для меня материалы, написанные на тамили, гуджарати и телугу. Д-р Венкатасубраманьян и Васант Котхари помогли мне редактировать эту книгу разъясняя все нюансы в материалах, которые они для меня подготовили.

Я также не могу не выразить благодарность главе Шри Раманашрама, Шри В. С. Раманану, за разрешение на перевод и опубликование материалов, авторские права на которые принадлежат Раманашраму. Шри А. Р. Натараджан, глава Учебного центра Раманы Махарши в Бангалоре, дал разрешение на использование материала, включенного в первую и шестую главы. Я также хотел бы поблагодарить Майкла Джеймса за конструктивные советы в работе над материалом, в прояснении неясных мест, а также за разрешение на использование стихов из его неопубликованного перевода *«Гуру Вачака Коваи»* и материала, включенного в третью главу.

Введение

В середине 1980-х я начал собирать рассказы-воспоминания, которые писали преданные Бхагавана Шри Раманы Махарши. Вместо того чтобы собирать относительно короткие статьи, публиковавшиеся в различных журналах, прежде всего в *The Mountain Path*, я начал искать более объемные рассказы, которые выходили в свет на разных индийских языках и по этой причине были практически неизвестны англоязычным читателям. Моей целью было издать антологию, состоящую из длинных рассказов от первого лица – рассказов людей, которые подробно описывали, как сила и милость Бхагавана трансформировала жизнь тех, кто соприкоснулся с ним. Несмотря на то что я собрал достаточно большое количество материала, книга так и не была опубликована. Одна из причин, по которым я воздерживался от публикации, – то, что я никогда не был удовлетворен своей работой и не был уверен в том, что сделал все как надо и моя работа закончена. Как заядлый исследователь всего, что было связано с Шри Раманой Махарши, я не хотел объявлять предварительный этап сбора материала законченным. Однако основной причиной задержки было то, что мой поиск принимал порой неожиданные направления. Два источника информации, Аннамалай Свами и Пападжи, оказались сами по себе настолько притягательными, а их рассказы настолько захватывающими, что в конце концов я сделал на их материалах отдельные книги¹. На самом деле за последние четырнадцать лет я подготовил шесть книг на основе их рассказов, общий объем которых составил более 1600 страниц – и все это по материалам, которые, как я думал, займут едва ли 100 страниц данной антологии. В течение этих лет работа над первым томом «Силы Присутствия» фактически не велась, я вернулся к нему лишь недавно.

Теперь я решил убрать из него главы, основанные на рассказах Аннамалай Свами и Пападжи, поскольку истории об их встречах с Шри Раманой уже были опубликованы. Сначала я собирался включить в книгу в качестве введения большой очерк, где собирался описать, как милость Шри Раманы по-разному действовала на различных людей. Я отказался от этой идеи, так как уверен, что отобранные мной рассказчики прекрасно справятся с этой работой сами. Поэтому моя цель как редактора теперь гораздо скромнее – я хочу познакомить читателей с материалом о Бхагаване, который ранее был им не знаком, а также, приводя в одной книге рассказы преданных с самыми разными судьбами, показать, насколько разнообразными были отношения Бхагавана с людьми, приходившими к нему и во многих случаях посвящавшими ему свою жизнь.

Я расположил воспоминания в более или менее хронологическом порядке. Первые три главы – это рассказы преданных, которые знали Бхагавана в его ранние годы, когда он жил вблизи Аруначалы. Следующие две главы написаны преданными, которые много общались с Бхагаваном с 1920-х гг. Последние две главы составляют рассказы людей, встречавшихся с Бхагаваном в течение последних пятнадцати лет его жизни.

К шести главам я написал краткие введения, выделенные в тексте курсивом. Они состоят в основном из биографической информации о людях, чьи повествования включены в соответствующие главы. Некоторые из них, рассказывая свои истории, не очень-то хотели говорить о себе, в то время как один из них, друг детства Бхагавана Ранган, рассказал о себе предостаточно, и мое введение биографического характера было бы излишним.

У каждого рассказчика в этой книге свой собственный неповторимый стиль. Я старался по возможности не вмешиваться в их повествование, так как не хотел, чтобы собственное видение и точка зрения рассказчика искажались мнением редактора. Тем не менее, поскольку вклю-

---

¹ На русском языке вышли в издательстве «Ганга» под названиями «Жизнь с Раманой Махарши», «Свет Аруначалы» (2011) и «Ничто никогда не случалось», т. 1 и 2 (2006, 2007).

ченные в эту книгу рассказы предполагают знание о жизни и учении Бхагавана, а также знание индийской культуры, философии и терминологии, я снабдил текст своими пояснениями, которые, как я надеюсь, лучше введут читателя в курс дела. Для читателей, не осведомленных о важнейших событиях жизни Шри Раманы, в конце книги я привожу краткую хронологическую справку.

Несмотря на то что над этой книгой работало множество специалистов, я принимаю полную ответственность за ее окончательную форму. Сбор, редактирование и подготовка этого материала в 1980-х принесли мне огромное удовольствие. Перечитывая эти рассказы, многие из которых я не перечитывал более десяти лет, я могу только изумляться невероятной мощи, которая исходила от Бхагавана без малейших усилий с его стороны и трансформировала жизни и сердца тех, кого судьба втягивала в его орбиту. Когда я впервые узнал некоторые из этих историй, у меня было ощущение, словно я отыскал клад. Сейчас, много лет спустя, мне кажется, что пришло время сделать это сокровище всеобщим достоянием, чтобы каждый, кто ощущает притяжение к Шри Бхагавану, мог получить часть этого сокровища.

Предисловие ко второму изданию

Во втором издании были отредактированы некоторые переводы, приведенные в главе Шивапракаша Пиллая, также было добавлено несколько стихов в конце главы *садху* Натананды.

*Дэвид Годман,
Тируваннамалай, сентябрь 20012.*

Ранган

В июне 1907 г. я с женой, матерью и дочерью пошел к Бхагавану. Я тогда увиделся с ним впервые с тех пор, как мы вместе учились в школе.

«Узнаёшь меня?» – спросил я Бхагавана.

Гортанным голосом, с огромным усилием он выдавил из себя: «Ранган». В то время, поскольку Бхагаван почти не разговаривал, ему было очень трудно пользоваться своим голосом.

Он повернулся к Паланисвами (помощнику Бхагавана), показал на мою мать и спросил: «Узнаёшь ее?»

Моя мать навещала Бхагавана, когда он жил в Павалакундру² в 1890-х, и Паланисвами мог ее помнить. Она рассказывала мне о своем первом визите к нему. Кажется, тогда она спросила Паланисвами, съест ли Бхагаван фрукт, если она ему предложит. Ей даже не пришло в голову спросить самого Бхагавана, потому что тогда казалось, что он даже не осознаёт ее присутствие. Тем не менее Бхагаван услышал ее вопрос и ответил на него жестом – протянул руку. Мать очистила банан и дала ему. Бхагаван съел его.

«Он ходит?» – спросила она Паланисвами.

Бхагаван встал и прошел несколько шагов, чтобы продемонстрировать ей, что он может передвигаться.

«Он говорит?» – спросила она, снова обращаясь к Паланисвами.

Бхагаван иногда говорил, но в этот раз промолчал. Много лет спустя Бхагаван заговорил со мной об этом случае. «В то время, – рассказал он мне, – я произносил одно-два слова, обращаясь к Паланисвами, но даже эти слова мне давались с трудом, поэтому говорил я редко. Я бы поговорил с твоей матерью, но боялся, что если заговорю и моя семья узнает об этом, меня увезут обратно в Мадурай. Поэтому я промолчал».

«Когда твоя мать впервые приехала ко мне, ее напугал мой вид аскета и облачение³. Она спросила меня: „Неужели благотворительная деятельность твоего отца привела вот к этому?“ Мои волосы были спутаны, тело полностью покрыто пылью, и я сидел на камнях на горе. Она ушла, потому что ей невыносимо было видеть меня в таком состоянии. К тому же она чувствовала, что ничем не может мне помочь».

После небольшой паузы Бхагаван добавил: «Поэтому никто из вас не пришел, кроме твоей матери. Вы посчитали, что на грязного аскета и смотреть не стоит, и потому даже не потрудились прийти. Так ведь?»

Бхагаван рассказал мне, что, когда он жил в Павалакундру, где моя мать встретила с ним в 1890-х, он совершенно не осознавал течения времени. По его рассказам, иногда, когда к нему возвращалось осознание окружающего мира, он обнаруживал, что сейчас раннее утро. Иногда он открывал глаза и обнаруживал, что сейчас полдень или поздний вечер. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он последний раз открывал глаза. Иногда при попытке встать у него кружилась голова и он терял равновесие. В таких случаях он делал вывод, что, по-видимому, провел несколько дней в состоянии, в котором не осознавал окружающий мир. Он говорил, что кроме этих периодических приступов слабости, у него не было другого способа заметить течение времени.

---

² Павалакундру – храм, расположенный на скалистой горе к северу от главного храма Аруначалешвара. Бхагаван жил там непродолжительное время в 1890-х гг.

³ Лишь в набедренную повязку. – *Прим. ред.*

«Ты тогда ничего не ел?» – спросил я его. Бхагаван ответил: «Когда не осознаёшь свое тело, телесные функции тоже приостанавливаются». Из его комментария я сделал вывод, что Бхагавану в то время не нужна была пища для поддержания жизни⁴.

После этого первого визита, когда мне пришло время уезжать, я сказал Бхагавану: «Ты достиг невероятных высот». Бхагаван ответил: «Далекie горы кажутся ровными и гладкими».

Кажется, он говорил мне, что можно стать *джняни*, даже живя жизнью обычного человека. Вроде бы он говорил, что отречение от мирского не является чем-то особенным или великим.

Многие годы я не навещал его. Когда же в конце концов снова пришел на *даршан*, Бхагаван уже жил в Скандашраме. Он умывался у парапетной стены и узнал меня издали. Когда мне оставалось четыре-пять шагов до Скандашрама, Бхагаван крикнул своей матери: «Амма! Ранган идет!» «Пусть заходит», – ответила она. Я вошел и простерся перед ним.

На этот раз он сказал мне: «*Даршан*⁵ святого не так легко получить. Лучше приходить к ним чаще. Они ткut ткань и держат ее наготове, чтобы ты мог облачиться в нее».

Я понял это так, что если человек получил милость Бхагавана, он может достичь *джняни* безо всяких усилий. И несмотря на то что Бхагаван дал мне такое обещание и заверение, тогда я еще не был уверен в том, что получаю милость, и даже в том, что вообще мог ее получить. Я не осмелился спросить об этом напрямую самого Бхагавана, но спустя некоторое время попытался «заручиться гарантией», спросив об этом его мать. «Ма, вы не знаете, есть ли у меня доля в духовном капитале вашего сына?»

Я думал, что мы одни, но мать окликнула Бхагавана: «Ты слышал, что сказал Ранган?» Бхагаван подошел, улыбнулся и сказал: «Да, да! Разве он не один из нас? Конечно, у него есть доля».

В следующий раз я встретился с Бхагаваном, когда ехал в Мадрас в поисках работы. В то время мое финансовое положение было не очень хорошим. Казалось, Бхагаван знает об этом, несмотря на то что я никогда об этом не упоминал.

Как только я простерся перед ним, он сказал: «Смотри, Ранган. Мужчина может самостоятельно поехать куда ему угодно и обеспечить себя. Но женщины и дети так не могут. Достаточно ли ты оставил своей жене и детям, чтобы они могли жить?»

Я пытался переубедить его, говоря, что оставил им денег, но впоследствии выяснилось, что мои уверения Бхагавана не удовлетворили. Несколько дней спустя, когда мой старший брат прибыл в Скандашрам, Бхагаван спросил его, как живет моя семья и не испытывает ли она нужду. Меня в тот момент не было – я искал работу в Мадрасе, проведя с Бхагаваном всего несколько дней, мне необходимо было найти какой-то способ обеспечить семью.

Мой брат рассказал Бхагавану, что деньги, которые я оставил своей семье перед отъездом, кончились, и теперь они испытывают очень большую нужду.

Мои попытки найти работу в Мадрасе не увенчались успехом. Я решил вернуться домой через Тируваннамалай и еще раз получить *даршан*. Как только я увидел Бхагавана, он заговорил о проблемах моей семьи. «Ты сказал мне, что оставил своей семье денег на пропитание, но твой брат утверждает, что денег у них уже не осталось. Это правда?»

Я молчал, не зная, что на это ответить. Я пытался скрыть от Бхагавана свою неспособность обеспечивать семью, но провести его было невозможно. Я не был ленив. Я отдал семье все деньги, которые только мог отдать, и поехал искать работу, но не рассказал Бхагавану о

---

⁴ «Письма из Шри Раманашрама», письмо 105: «в первое время после моего приезда сюда... я не ел и не спал. Если тело двигается, еда ему нужна. Если ты ешь, тебе нужно спать. Таким образом если движения нет, то сон тоже не нужен. Для поддержания жизни достаточно очень малого количества пищи. Это было моим опытом в то время... [но] полностью отказаться от еды или от сна невозможно, если только ты не поглощен неподвижной концентрацией ума».

⁵ Что значит «видеть или быть увиденным».

наших проблемах. Тогда я оправдывал себя мыслью, что раз Бхагаван так или иначе все знает, он может изменить мою жизнь, если пожелает.

Я не смог ответить на настойчивый вопрос Бхагавана, и на этом разговор фактически закончился. Но в тот же вечер, когда я лежал на кровати, Бхагаван пришел и сел рядом со мной. Я сразу же приподнялся и сел рядом.

«Ранган, ты не можешь уснуть?» – спросил он. – Тебя беспокоит, что не хватает денег на содержание семьи? Десять тысяч рупий будет достаточно?» И снова я не смог ничего ответить.

Сидя на моей кровати, Бхагаван сказал: «Человек может увидеть сон, что его бьют и ему больно. Во время сна это кажется достаточно правдоподобным. Но когда он просыпается, он смеется над тем, что пережил во сне. Точно так же, когда он пробуждается к просветлению, обнаруживается, что весь этот мир – всего лишь сон».

Я понял, что Бхагаван говорил мне, чтобы я не слишком переживал из-за проблем мира, который в конечном итоге не был реальным. Бхагаван очень серьезно относился к проблемам моей семьи, но он мог и шутить по этому поводу.

Например, во время того же визита, когда мы вместе совершали *гирипрадакину* (обход вокруг Аруначалы), он в шутку сказал: «На этой горе растет много трав, способных превратить любой металл в золото».

Я чувствовал, что он поддразнивает меня, и промолчал. Бхагаван много раз подшучивал надо мной подобным образом. Иногда он просто смеялся, видя меня в мрачном, подавленном состоянии, и спрашивал: «Ты беспокоишься из-за того, что у тебя нет денег?»

В конце концов я нашел работу в автомобильной компании – я продавал автобусы. Получая комиссионные за каждый проданный автобус, я вскоре смог скопить десять тысяч рупий, о которых говорил Бхагаван. Этих денег хватило, чтобы оплатить долги и организовать свадьбы двух моих дочерей.

Я никогда не говорил с Бхагаваном о своих финансовых трудностях и никогда не просил у него помощи. Я предоставлял все это ему. Бхагаван сам, безо всякого побуждения с моей стороны, брал на себя все мои финансовые заботы.

Я говорил ему: «Бремя моей семьи – это ваше бремя. Я всего лишь марионетка в ваших руках».

Поскольку у меня была большая семья, росшая год от года, меня никогда не оставляли заботы о деньгах. Утешая меня, Бхагаван однажды рассказал следующую историю.

«Один человек усердно медитировал, чтобы достичь *джняны*. Ему явился бог Шива и спросил, чего он хочет. „Дай мне бедность и сделай так, чтобы беды не оставляли меня!“ „Почему? – воскликнул Шива. – Ты мог попросить столько хороших, прекрасных вещей. Что это за странная просьба?“

Преданный ответил: „Когда у нас, смертных, есть богатство, наши глаза не видят и уши не слышат того, что подобает. Если я погружен в мир, я всегда буду в плену, я буду пойман в череду смертей и рождений. Бедность же заставит меня всегда помнить о Тебе“».

«Разве мы не можем достичь *джняны*, наслаждаясь богатством и комфортом?» – спросил я.

«Без всяких сомнений, богатство – это препятствие, – ответил Бхагаван, – и жажда знания не возникнет, если человек не делает добрые дела».

Большую часть жизни я то залезал в долги, то вылезал из них. В конце 1920-х годов, когда я снова был в долгах, Бхагаван нашел еще одну возможность посмеяться над моей проблемой. Однажды я увидел, как он обсуждает что-то с мусульманином, и подумал, что это, должно быть, какой-то духовный вопрос.

Когда мусульманин ушел, Бхагаван повернулся ко мне и сказал со смехом: «Знаешь, что сказал мне этот мусульманин? Ты беспокоишься о том, что у тебя много долгов. Теперь у меня

тоже есть долг в пятьсот рупий! Похоже, что я купил в его магазине какие-то расчески и мыло в кредит».

Я выяснил, что предыдущий управляющий ашрамом действительно купил все это в кредит у этого мусульманина. Поскольку этот управляющий уже покинул ашрам, хозяин магазина пришел к Бхагавану, чтобы выяснить, как он может получить свои деньги⁶.

Случившееся меня сильно озадачило, и я немедленно поехал в Мадрас, чтобы обсудить проблему с одним богатым преданным. Преданный тотчас же поехал в Тируваннамалай, отругал хозяина магазина за то, что он отпустил столько товаров в кредит, и уплатил ему в погашение долга 250 рупий.

Когда мои посещения Бхагавана в Скандашраме стали регулярными, мне пришло в голову, что неплохо было бы стать *саньясином* (нищенствующим монахом). Я знал, что желание это безответственное и глупое, так как моя семья, чье финансовое положение и так было непрочным, совсем останется без кормильца. Однако мысли об этом не оставляли меня. И вот однажды ночью, лежа в постели в Скандашраме, я не мог уснуть, потому что они без конца крутились у меня в голове.

Я беспокоюсь ворочался в постели, когда ко мне подошел Бхагаван и спросил: «Что случилось? Тебя что-то мучает?»

«Венкатараман (имя Бхагавана, которое он носил в детстве), я хочу принять *саньясу*», – ответил я.

Бхагаван ушел и вернулся с книгой «*Бхакта-Виджая*», антологией жизнеописаний самых известных святых, живших в Западной Индии много веков назад. Он открыл книгу и прочитал вслух историю, в которой святой Витхоба решил принять *саньясу*. Его сын Джнянадева, воплощение бога Вишну, дал ему совет. «Где бы ты ни был, в светском обществе или в лесу, с тобой всегда один и тот же ум. Тот же самый старый ум, где бы ты ни остановился». Прочитав это, Бхагаван добавил: «Ты можешь достичь *джняны*, даже живя в *сансаре* [мирских заботах]».

«Почему же вы тогда стали *саньясином*?» – отпарировал я.

«Это была моя *прарабдха* (судьба), – ответил Бхагаван⁷. – Жизнь семьянина трудна и полна невзгод, без сомнений, но стать *джняни* проще, будучи семьянином».

Позже я узнал, что это был стандартный ответ Бхагавана всем людям, которые спрашивали, могут ли они отказаться от выполнения своих мирских обязанностей. Например, однажды к нему приехал ученый-гуманитарий из Франции и задал множество вопросов.

Выслушав ответы Бхагавана, он сказал: «Я не хочу возвращаться во Францию. Я хочу остаться здесь с вами навсегда».

«К чему это? – ответил Бхагаван. – Вы можете вопрошать „кто я?“ в любое время, даже живя в своей стране».

Жизнь рядом с Бхагаваном возбуждала во многих людях (включая меня) дух отречения от мирской жизни, но Бхагаван всегда отговаривал своих преданных от фактического отречения от мира. Однажды я услышал, как двое разговаривали об этом.

Один сказал другому: «Если ты будешь часто приходить к Бхагавану, он сделает тебя *саньясином*». Второй преданный знал, что это не так, но притворился испуганным. Он пошел к Бхагавану и попросил его о просветлении.

---

⁶ Дандапани Свами в 1920-х гг. в течение недолгого времени был управляющим ашрама. Его преемником был брат Бхагавана, известный как Чиннасвами, что означает «маленький Свами» или «младший Свами». Чиннасвами управлял ашрамом до самой своей смерти в 1953 г. Цифра в 500 рупий кажется слишком большой. В 1920-х этой суммы было бы достаточно для того, чтобы обеспечить мылом и расческами весь Тируваннамалай. Если сумма верна, возможно, в счет было включено еще много товаров.

⁷ Несмотря на то что Бхагаван действительно покинул свою семью в 1896 г. и ушел жить на гору Аруначалу, он никогда не был формально посвящен ни в один из традиционных саньясинских орденов. В контексте этой беседы также следует обратить внимание на то, что его отречение от мира произошло после реализации им Я.

«Мне сказали, что если я буду часто приходить к вам, вы сделаете меня *саньясином*. Если я стану *саньясином*, я лишусь зарплаты в юоо рупий. Что тогда будет с моей женой и детьми?»

Бхагаван, который, должно быть, знал, что этот преданный обеспокоен не всерьез, ответил: «Каждый в конечном итоге получит то, чего хочет».

Мое стремление стать *саньясином* в конце концов исчезло. Хотя сам Бхагаван отрекся от мира еще в юности, я в какой-то момент понял, что моя судьба – оставаться в миру, работать и заботиться о своей растущей семье. Мне повезло в том, что во всех вопросах моей семьи я мог положиться на Бхагавана – он заботился о нас всегда. Мы часто нуждались в помощи, и у меня очень быстро вошло в привычку рассказывать Бхагавану о наших проблемах.

В один из таких моментов Бхагаван повернулся ко мне и сказал: «Ты думаешь, что твои беды так уж велики. А что ты знаешь о моих бедах? Давай я расскажу тебе об одном случае, произошедшем со мной. Однажды, карабкаясь по крутой части горы, я держался за камень, чтобы сохранить равновесие. Камень зашатался и не выдержал моего веса. Потеряв равновесие, я упал на спину, на меня осыпались камни и я оказался частично погребенным под ними. Каким-то образом мне удалось выбраться и встать на ноги. Я сразу же заметил, что большой палец на левой руке вывихнут. Я вставил палец обратно в сустав и пошел домой».

Я думаю, что Бхагаван преуменьшил степень своих ранений, потому что, когда он рассказывал эту историю, из Скандашрама вышла его мать и сказала: «Мне невыносимо вспоминать этот ужасный случай. Он пришел домой весь в крови. Он был в таком состоянии, что я не хочу даже думать об этом».

Мне было очень легко общаться с матерью Бхагавана, так как мы были знакомы еще со времен жизни в Мадуре. Однажды в разговоре она упомянула, что ей было видение, в котором множество змей обвилось шею, грудь и ноги Бхагавана, но потом все они уползли. Я думаю, Бхагаван дал ей это видение, чтобы избавить ее от иллюзии, что он ее сын.

В другой раз, когда мы с матерью Бхагавана были в Скандашраме, она сказала мне: «Десять дней назад, примерно в это же время, я не отрываясь смотрела на Бхагавана. Постепенно его тело исчезло и я увидела вместо него *лингам* Тиручули⁸. *Лингам* был очень ярким. Я не могла поверить своим глазам. Я потеряла их, но все равно видела то же самое – яркий *лингам*. Я испугалась, так как решила, что мой сын уходит навсегда. К счастью, *лингам* постепенно снова превратился в Бхагавана».

Когда она закончила рассказывать эту историю, я посмотрел на Бхагавана, ожидая подтверждения или комментария, но он просто улыбнулся и ничего не сказал. В то время мой сын писал книгу под названием «*Бхагаван Паринайям*» («Свадьба Бхагавана»), в которой Бхагаван женится на *джняна-канья* (невесте *джнянэ*). Я рассказал ему этот случай с Бхагаваном, и он включил его в свою книгу. Несколько месяцев спустя, когда мой сын читал эту книгу вслух перед Бхагаваном, Бхагаван спросил его, откуда он знает об этом конкретном случае.

«Мне рассказал мой отец», – ответил сын.

«Правда? Неужели он рассказал тебе все это?» – спросил Бхагаван.

Другие преданные хотели узнать побольше об этом случае – никто из них никогда раньше о нем не слышал, – но Бхагаван сказал: «Это не важно» и переключил их внимание на что-то другое.

У меня было два странных, но похожих переживания в присутствии Бхагавана. Первый случай произошел на горе. Бхагаван привел меня на вершину горы и показал место, где зажигают «*картикай джъоти*»⁹, и несколько других мест. Когда зашло солнце, мы спустились и

---

⁸ Храм в городке, где родился Бхагаван. Бхагаван провел там первые двенадцать лет жизни.

⁹ Картикай – название тамильского месяца (с середины ноября по середину декабря). Кульминация фестиваля, проводящегося в этом месяце и длящегося десять дней, – зажигание огня («джъоти» означает «свет») в большом котле на вершине горы. Эта церемония проводится в память об истории из Пуран, в которой Шива демонстрирует свое превосходство над Брахмой и Вишну. Когда Ранган рассказывал эту историю, котел постоянно находился на вершине горы, но после того как его

легли спать у Семи Источников¹⁰. Я спал у ног Бхагавана, и вдруг мне было видение Бхагавана, находящегося со всех сторон от меня. Когда оно исчезло, я рассказал Бхагавану о том, что произошло, но он отказался давать какие-либо комментарии.

Другой случай был странным и загадочным. Я ненадолго вышел из Скандашрама, заметив перед этим, что Бхагаван спал внутри. Вернувшись, я увидел, что он сидит снаружи на своем ложе. Я не обратил на это особого внимания, пока не вошел в ашрам и не убедился, что Бхагаван все еще спит внутри в той же позе, в которой я его видел перед тем как выйти из ашрама.

Когда я позже рассказал об этом Бхагавану, он улыбнулся и сказал: «Почему же ты не сказал мне об этом сразу же? Я бы поймал этого жулика!»

Это была типичная реакция Бхагавана на сверхъестественные явления. Когда Бхагавану рассказывали о таких случаях, он либо игнорировал это, либо отшучивался. Видимо, он не хотел, чтобы непродуктивный интерес к чудесам уводил его последователей в сторону от их главной цели – осознания истинного Я.

Мой собственный опыт и события, которым я был свидетелем, убеждали меня, что Бхагаван – необычайно великий человек. Но в то же время, благодаря тому, что мы были друзьями с детства, мне было легко общаться с ним и находиться рядом. Я не испытывал благоговейного страха, от которого многие немели в его присутствии. И поскольку я знал Бхагавана с ранних его лет, мы порой вспоминали наше детство.

Однажды Бхагаван спросил меня: «Помнишь, Ранган, как я помочился на мурти Каруппанна Свами? Ты пригрозил рассказать об этом моему отцу, а я умолял тебя не делать этого, потому что знал, что отец побьет меня».

«Очень хорошо помню, – ответил я, – теперь мне кажется, что Каруппанна Свами должен был чувствовать себя таким счастливым, словно окунулся в воды Ганги».

В детстве Бхагаван был настоящим сорванцом, и порой казалось, что он сотворил уже все, что только мог. Я помню одну его проделку, из-за которой он имел серьезные неприятности. Когда Бхагаван был маленьким, в соседнем доме жил адвокат. Однажды этот человек закрыл дом на ключ и уехал в город по делам. Пока его не было, Бхагаван умудрился залезть в дом и вытащить бумаги, которые нашел в шкафу. Играя, он воображал, что эти бумаги были анонсами премьеры некоей пьесы. Он ходил по улице, подражая разносчикам рекламных листовок, и раздавал документы всем подряд. Эти бумаги в действительности были важными документами в одном деле этого адвоката. Вернувшись, адвокат узнал, что произошло. Он потребовал, чтобы дети вернули ему бумаги, но многие листы были утеряны окончательно, так как их раздавали незнакомцам. Адвокат сообщил о проделке отцу Бхагавана.

Отец очень рассердился и приказал: «Разденьте его! Полностью выбейте ему голову, оставьте ему только набедренную повязку и лишите еды!»

Спустя годы повторилось в точности то же самое. Приехав в Тируваннамалай, он повторно назначил себе это наказание: выбрил голову, выбросил всю одежду, оставив только набедренную повязку, и жил некоторое время без еды.

До того как я, уже будучи взрослым, впервые навестил Бхагавана, мне дал посвящение Свами из Шрингери¹¹. Когда я беседовал об этой инициации со своим братом, он сказал: «Я приму посвящение напрямую от Ишвары (Бога)».

Спустя три года мой брат впервые поехал к Аруначале, чтобы встретиться с Бхагаваном. Сначала он неотрывно смотрел на Бхагавана, словно пытался увидеть в нем того самого Вен-

---

украли, руководство храма решило, что котел будут приносить за несколько дней до церемонии и уносить примерно через неделю после окончания празднеств.

¹⁰ Место, расположенное примерно на расстоянии 2/3 пути от подножия до вершины. Природные источники, находящиеся там, – самые высокие источники проточной воды на горе.

¹¹ Вероятнее всего, это Шанкарачарья из Шрингери Матха.

катарамана, которого знал еще ребенком. Бхагаван пристально смотрел на него, не говоря ни слова. И вдруг неожиданно мой брат простерся перед Бхагаваном в знак почтения. Тогда он провел с Бхагаваном много дней, а по возвращении в Мадурай сообщил мне, что его инициировал сам Ишвара. В последующие годы он часто приезжал к Бхагавану и вскоре стал его рьяным последователем.

Много лет спустя он так тяжело заболел туберкулезом, что не мог самостоятельно передвигаться. Чтобы навестить Бхагавана, он взял себе в тот раз помощника. Брат хотел совершить *прадакшину* вокруг Бхагавана, но из-за его слабости ему это не было позволено. Уходя из ашрама, чтобы вернуться домой, мой брат заплакал. Бхагаван проводил его до двери. В глазах Бхагавана тоже стояли слезы.

Человек, сопровождавший моего брата, сказал мне: «Я вначале не поверил, когда твой брат сказал мне, что Бхагаван испытывает к нему огромную любовь. Но сейчас я своими глазами увидел, как сильно Бхагаван любит его».

Через два года мой брат принял *саньясу*. Он не мог не знать, что Бхагаван думал по этому вопросу, но все равно предпринял этот шаг.

Когда его жена заплакала, полагая, что останется покинутой, он ее успокоил: «Ты что, сошла с ума? Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя одну? Я буду с тобой еще сорок дней после своей собственной смерти». Так все и случилось.

Когда эту историю рассказали Бхагавану, он сказал с изумлением: «Кто может знать замысел Бога, когда он так сводит и разлучает людей? Почему он скрывает и являет Свою форму?»

Мой отец был нетипичным членом нашей семьи. Никогда он не проявлял ни малейшей религиозности, никогда не посещал храмы и не совершал паломничеств. Моя мать, напротив, была весьма религиозна. У отцовского атеизма, однако, была одна примечательная черта. Он часто болел малярией, и во время приступов лихорадки часто звал меня в бреду и говорил: «Смотри, сынок, видишь бога Шиву верхом на быке? Для него совершается *арати* (подношение священного огня). Иди, получи его *даршан*».

Когда я рассказал об этом Бхагавану, он поведал мне похожую историю.

«Жил когда-то царь, который не почитал божеств. Его жена, тем не менее, проводила все свое время в различного рода почитаниях и пении *бхаджанов* (религиозных песен). Поскольку она была очень недовольна тем, что у ее мужа нет никаких религиозных наклонностей, она молилась Богу, чтобы Он сделал ее мужа религиозным человеком.

Однажды, в тот день, когда с большим размахом проводились *пуджи* (ритуальные поклонения божествам) и пелись *бхаджаны*, царица вошла в спальню и увидела, что царь крепко спит. И хотя никого рядом не было, в комнате раздавался Раманам (имя Рама). Царица тщательно обыскала спальню в поисках источника Раманам и обнаружила, что звук исходит из сердца царя.

Она сразу же послала за министром и сообщила ему: „Бог услышал мои молитвы. Он сделал моего мужа очень религиозным. Объяви это людям, и пусть будет большой праздник. Завтра во всех храмах будут *пуджи*, *бхаджаны* и музыка!“

На следующий день, видя всю эту суету, царь спросил министра, что происходит. Министр рассказал ему о том, какой приказ отдала царица. Царю стало интересно, каким образом царица узнала о его скрытой религиозности, и она рассказала ему, что слышала Раманам в его комнате. Царь так огорчился из-за того, что все узнали его тайну, что хотел покончить с собой. Но царица попросила у него прощения и убедила не делать этого».

«Лучше держать свою религиозность в тайне, – заключил Бхагаван, а потом добавил: – Пока человек не уничтожит свое эго, он не достигнет реализации. Чувство личного делания должно исчезнуть».

Бхагаван проиллюстрировал это еще одной историей про другого древнего царя.

«Жил один могущественный царь. Царь соседней страны хотел завоевать его, но ему это никак не удавалось. Могущественный царь долго гордился своей доблестью, но в один прекрасный день он неожиданно пригласил к себе соседнего царя, отдал ему все свое царство и ушел в лес, жить и совершать *тапас* (суровую аскезу).

Спустя многие годы царь отправился в странствие. Он питался подаянием, которое выпрашивал по пути. Странствуя таким образом, он решил навестить свое бывшее царство. Жители этого царства узнали в нем своего бывшего царя, но он не желал, чтобы они выказывали ему свое почтение. Он хотел оставаться обыкновенным бродягой. Наконец он пришел к своему бывшему дворцу и стал неподалеку просить подаяния. Слуги, узнав его, хотели выразить ему свое почтение, но царь не позволил им сделать это. Он взял у них немного еды и ушел.

Так он странствовал и жил подаянием, стремясь уничтожить свое эго. Однажды он забрел в страну, царь которой недавно скончался, не оставив наследника. По традиции этой страны в таких случаях наряжают слона, дают ему гирлянду цветов и отпускают на волю. Тот, кому слон наденет на шею гирлянду, становится новым царем. В тот раз слон избрал короля-нищего. Царь не хотел принимать на себя обязанности правителя в этом новом царстве, но жители страны вынудили его, и он вступил на трон.

Тем временем царь, которому он отдал свое царство, тоже умер, не оставив наследника. К нашему царю явилась делегация и стала упрашивать стать и их царем. Он согласился и стал править двумя царствами. Но теперь он был другим. Раньше, правя царством, он считал себя великим человеком и великим правителем. Тогда его эго было огромным. Теперь же, вернувшись после совершения *тапаса*, он уже знал, что он – ничто, что царством правит сам Бог и что он, царь, – всего лишь инструмент в Его руках. Благодаря этой перемене оба царства стали еще более процветающими, чем раньше».

Так как я и мои братья получили так много от общения с Бхагаваном, мы стали призывать и других ехать в Тируваннамалай и получать *даршан* Бхагавана. Не всегда, однако, нам сопутствовал успех. Однажды мы убедили одного нашего приятеля поехать на даршан к Бхагавану. Вернувшись, он сказал нам: «К какому негодному *свами* вы меня отправили! Я думал, он почитает божеств, а он в день *Экадаши* резал лук¹²!»

Мы пытались объяснить ему, что не должны мерить величие *джняни* (познавших) своими мерками, и указывали на то, что для *джняни* нет Бога, которого ему необходимо было бы почитать. Но приятель так и не согласился с тем, что мы пытались ему донести. Он ожидал, что человек из семьи *брахманов* будет демонстрировать свою святость по меньшей мере следованием устоявшимся традициям своей касты. Ну что тут можно сказать? Бхагаван и сам не стремился к тому, чтобы его понимали люди, которые того не заслуживают.

Бхагаван однажды заставил меня покончить с одной привычкой, связанной с традициями. В тот вторник было полнолуние, и все жители Скандашрама совершали ежемесячную процедуру обривания¹³. Бхагаван сказал, что я тоже должен обрить голову. Это противоречило писаниям – семьянин не должен обривать голову в такой день – и я заявил об этом Бхагавану. Он проигнорировал мои слова и все-таки заставил меня обрить голову.

Будучи убежденным, что *даршан* Бхагавана пойдет на пользу всем и каждому, я посылал к нему многих людей, но Бхагаван не одобрял мою миссионерскую деятельность.

---

¹² Для ортодоксального брахмана это двойное оскорбление: Экадаши, одиннадцатый лунный день, считается общепринятым днем поста, к тому же ортодоксальные брахманы вообще не едят лук.

¹³ Существует традиция, согласно которой садху (оставляющие свои семьи, чтобы посвящать все свое время преследованию духовных целей) должны наголо обривать себе голову каждое полнолуние. Бхагаван сам следовал этой практике до конца жизни, и так же поступали многие садху, жившие с ним. В то время, о котором повествует Ранган, все обитатели ашрама, кроме матери Бхагавана, были мужчины-садху.

Во время одного из моих посещений Бхагаван сказал мне: «Ты и твой брат разнесли весть о том, что здесь есть Махариши. Люди верят вам до того момента, пока не приходят сюда и не видят меня, сидящего здесь в углу. Они думают: „Неужели это он и есть?“, разочаровываются и уходят, понося вас».

Я согласился с Бхагаваном, что многие люди не в состоянии распознать его величие. «Этих людей, словно туман, окутывает эго, – сказал я, – они находятся в таком плачевном состоянии, что даже встретив Бхагавана, не могут распознать его».

Затем я попытался оправдаться: «Найдя столь великого *джняни*, разве можем мы молчать? Мы чувствуем, что просто обязаны поделиться с другими этой радостью». И чтобы подчеркнуть сказанное, я спел строфу Таюманавара на тамильском языке, в котором выражалась та же идея:

Даже вороны не могут молчать, когда найдут пищу.
Они зовут других птиц, чтобы разделить с ними
трапезу.
А мы нашли безграничную радость, она просто
переполняет нас.
Идите сюда, люди! Придите и разделите ее с нами!

И все же Бхагаван, казалось, был немало расстроен моим миссионерством, потому как ответил: «Сейчас даже вороны перестали звать других птиц».

Однажды брат моей жены, который тоже был ярким последователем Бхагавана, привез в Тируваннамалай одного своего друга. Он рассказал ему о величии Бхагавана и убедил поехать к нему.

Во время беседы с этим человеком Бхагаван превозносил достоинства Аруначалы. Он сказал: «Важно то, что здесь Ишвара явился в человеческой форме¹⁴». Человек спросил очень нетерпеливо: «Где, где он?»

Бхагаван ответил: «На этой горе растет огромное дерево с очень большими листьями. Ишвара сидит под ним».

Мой шурин принялся отчитывать своего друга: «Ты полный идиот, невежество затмило твое зрение». Указывая на Бхагавана, он продолжал: «Ты не можешь увидеть Ишвару, даже когда Он сидит прямо перед тобой!» Бхагаван, не одобряя вмешательства моего шурина, повернулся к нему и сердито сказал: «Довольно! Довольно!» Бхагавану нравилось, когда с ним обращаются как с обычным человеком, а не как с Господом-Богом. Он не хотел, чтобы тот факт, что он *джыяйи*, стал широко известен.

Несмотря на то что во взаимодействиях с внешним миром Бхагавану удавалось создавать видимость тощ что он человек обыкновенный, он видел насквозь, чего стоит в духовном плане каждый из приходящих к нему. Некоторые люди приходили жить в ашрам, потому что там была бесплатная еда. Такие устраивались поближе к кухне. Другие выпрашивали деньги у посетителей. Находились и такие, которые развлекались тем, что провоцировали ссоры и неурядицы между обитателями ашрама. Бхагаван знал обо всем этом. Он позволял каждому поступать так, как он хочет, но в то же время удерживал их всех привязанными к себе. Он внимательно следил за всеми и искал случая наставить их на верный путь.

Бхагавану нравилось делать вид, что у него нет никаких особых способностей. Однажды он рассказал мне такую историю, весьма одобряя то, о чем в ней говорится: «Был один святой,

---

¹⁴ Традиционное верование людей, почитающих Аруначалу, гласит, что Шива проявляется в трех формах: в форме самой горы, в форме лингама в храме Аруначалешвары и в форме йога Арунагири – аскета, живущего под баньяном высоко на северном склоне.

к которому приходило множество людей. Он каждый раз повторял, что не стоит к нему ходить, так как у него нет никаких особых способностей. Его ученик, видя, что учитель не любит, когда его беспокоят толпы людей, взял на себя обязанность отваживать посетителей. Он начал распространять слухи, что у этого святого нет никаких сверхъестественных способностей. Узнав это, святой обрадовался. Он считал, что его ученик, говоря всем, что учитель лишен особых способностей, тайно воздает ему хвалу. Одни жаждут денег, другие – славы. Этот святой не желал ничего».

Несмотря на то что Бхагаван предпочитал не демонстрировать свое духовное величие широкой публике, иногда все же давал нам возможность увидеть проблески его Силы и Знания. К примеру, однажды один из его преданных, сидя поблизости от Бхагавана, переписывал санскритские стихи и вдруг засомневался, не зная, что ему писать дальше. Бхагаван, хоть его и не спрашивали, подозвал этого преданного и рассеял его сомнения. Бхагаван читал нас всех, как открытые книги, но редко демонстрировал это так явно.

Во время одного из своих визитов в Скандашрам я был свидетелем еще одного странного случая, когда Бхагаван проявил свою силу. Два человека приехали из деревни и просили Бхагавана дать им *вибхути* (священный пепел) своей собственной рукой. «Вот *вибхути*, – сказал он и указал на пепел. – Вы и сами можете его взять». Но люди упрашивали и умоляли Бхагавана дать им пепел своей рукой. Бхагаван отказался со словами: «Между моей и вашей рукой нет никакой разницы». Посетители были очень разочарованы и ушли из ашрама, не взяв *вибхути*.

Я пошел за ними и спросил: «Почему вы хотели, чтобы Бхагаван дал вам *вибхути* своей рукой? Почему вы так настаивали на этом?»

Один из них сказал: «Когда-то я болел проказой. Тогда я пришел к Бхагавану и он дал мне *вибхути* своей собственной рукой. Я нанес его на себя, и все признаки проказы исчезли за один день. Вот мой друг. У него тоже проказа. Поэтому я и просил Бхагавана дать ему *вибхути* своей собственной рукой».

Должно быть, Бхагаван знал, что он непреднамеренно исцелил прокаженного. Возможно, он отказался снова подать больному *вибхути* из-за того, что не хотел приобрести репутацию чудотворца.

Однажды при мне Бхагаван сделал интересное замечание о *джняни* и их способностях. «*Джняни* бывают двух видов – *сиддхи* и *суддхи*¹⁵. *Сиддхи* знают о том, что они обладают необычными способностями. *Суддхи* тоже обладают такими способностями, но они даже не подозревают об этом».

Я думаю, что Бхагаван отнес бы себя к категории «*суддха*». Через него шла Сила и проявлялась во многих странных и необъяснимых вещах, но Бхагаван никогда не осознавал, что совершает какие-то чудеса.

Часто повторяют, что только *джняни* может распознать других *джняни*. Похоже, Бхагаван был согласен с этим. Он рассказывал один случай, произошедший с ним в молодости в Тируваннамалае.

Я спросил его: «Когда вы впервые приняли пищу от шудры [человека из низшей касты]?» Он ответил, что это произошло во второй день его пребывания в Тируваннамалае. Он сразу вспомнил об еще одном случае того времени. Однажды, когда он сидел на веранде *чоултри* [гостиницы для паломников], пришли несколько *махатм* (великих душ) и положили ему в рот пищу. Бхагаван заметил, что неподалеку сидело много *шудр*, но он видел, что они принимали *махатм* за обычных аскетов. Но не всегда Бхагаван был столь неосторожен в своих признаниях, что мог легко отличить просветленного от непросветленного.

¹⁵ Слово «сиддха» можно перевести как «достигший», при этом подразумевается, что достигнуты и джняна, и сиддхи (сверхъестественные способности), в то время как «суддха» можно перевести как «абсолютно чистый».

Однажды преданный спросил его: «Может ли один *джняни* распознать другого *джняни*?» Бхагаван ответил: «Что *джняни* может распознавать? Разве для него не всё едино?»

Затем я сам задал вопрос: «Бывают ли у *джняни* сны?» «Так же, как и состояние бодрствования», – ответил Бхагаван. Я настойчиво продолжал расспросы: «Какие же сны вы видите?» «Я вижу храмы, священные места омовения и тому подобное», – ответил Бхагаван.

Хотя Бхагаван никогда не хвастался тем, что сам он – реализованный человек, он иногда говорил, что *джняни* находится в очень возвышенном состоянии. Как-то, читая «Рибху-гиту», он взглянул вверх и сказал: «*Тримурти* [Брахма, Вишну и Шива как единое трехликое божество] стоит перед *джняни* со сложенными руками, говоря: „Я к твоим услугам“. У *Тримурти* есть обязанность – возвышать мир, а у *джняни* нет даже этой обязанности».

Однажды Бхагаван привел пример того, как боги служат *джняни*. Он рассказал об одной встрече на Аруначале. Он бесцельно бродил по горе без еды. Старая женщина принесла ему в горшке жидкой рисовой каши. Бхагаван, который без труда мог увидеть духовное величие в самых заурядных с виду людях, сказал нам: «Я подумал, что это, должно быть, сама Мать Парвати».

А как-то раз Бхагаван упомянул о силе *джняни*: «*Джняни* может оставить свое тело, когда захочет. Когда для *джняни* приходит время оставить тело, приходит бог Яма [в индуизме бог смерти] и спрашивает, оставаясь в отдалении: „Пойдешь со мной?“ Если *джняни* отвечает: „Нет, не сейчас“, Яме приходится уходить восвояси».

Бхагаван признавал, что для обычных людей очень благоприятно находиться рядом с *джняни*, в его присутствии. Он дал нам это понять, когда пришел один мой родственник и задал ему множество вопросов. Его последний вопрос был таким: «Теософы говорят, что великая душа сойдет на землю, и все должны быть готовы принять его. Вам что-нибудь известно об этом?»

«Я ничего об этом не знаю, – ответил Бхагаван. – Но вот что странно: они ждут, что к ним спустится какая-то великая душа, и при этом даже не пытаются узнать хоть что-то о великих душах, которые уже здесь на земле».

Бхагаван иногда говорил, что знание своего истинного Я (что и является состоянием *джняни*), легко достижимо, потому что мы уже являемся истинным Я, и, следовательно, уже реализованы. Но иногда он признавал, что достичь этого состояния очень трудно. В качестве иллюстрации этой второй его позиции приведу такой пример.

Однажды к Бхагавану на *даршан* пришла женщина. Уходя, она спросила его: «Бхагаван, мой ум блуждает в разных направлениях. Что мне делать?»

Бхагаван посоветовал ей: «Пусть он идет только в одном направлении».

Когда она ушла, я спросил его: «Если это возможно, чего нам еще желать? Это и есть *джняни*, не так ли?»

«Что я мог сказать или сделать? – ответил Бхагаван. – Как только люди приходят сюда, они сразу хотят стать *джняни*. Они полагают, что это легко. Они не видят, насколько это трудно».

Все время, пока Бхагаван был с нами, он играл самые различные роли – иногда был ребенком, а иногда строгим отцом, иногда походил на академичного ученого, а иногда казалось, что он вообще ничего не знает. И при всем при этом он ни на секунду не забывал, кто он на самом деле.

Он говорил: «Когда мужчина играет на сцене женщину, разве он забывает хоть на миг, что он мужчина? Точно так же *джняни* никогда не забывает, что он – истинное Я».

Когда я бывал в Скандашраме, Бхагаван будил меня в 3 часа утра, до того, как проснутся все остальные, и брал с собой на Пандава Тиртхам. Там мы купались до рассвета. Однажды утром, когда Бхагаван пришел будить меня, он обнаружил, что Дикшитар, обычно спавший недалеко от меня, ошупью искал что-то на полу.

«Ищешь свой *такли*?» – спросил Бхагаван. Дикшитар поднялся и сказал с удивлением: «Только что мне приснился сон, что приближается *Шравана-Пурнима*, день, когда все *брахманы* обновляют свой священный шнур¹⁶. Когда вы пришли, я искал *такли*, чтобы сплести шнур».

Эта сцена напомнила мне о вопросе, который я задал ему днем раньше.

«Бхагаван, это правда, что *джняни* знают все три аспекта времени – прошлое, настоящее и будущее?» – спросил я. Бхагаван ответил: «Они знают, но это не самое главное в них. Они знают всё, что происходит в трех состояниях – во сне, наяву и в глубоком сне, и все происходящее в мире. Но какой бы мир ни явился тебе, он будет казаться настоящим, реальным. Бог дал человеку так много знаний, но скрыл от него знание будущего. Обычный человек не знает, что с ним случится через минуту».

Я уже упоминал о том, что Бхагаван мог видеть духовное величие и духовную зрелость в людях. Он также мог распознать эти качества в животных.

Однажды мать Бхагавана спросила его: «Почему эта собака все время сидит у тебя на коленях?»

Бхагаван повернулся ко мне и сказал: «Эта собака находится в состоянии непоколебимого *самадхи*. Великая душа пришла в форме собаки. Матушка не знает этого, она задала этот вопрос от неведения».

Выслушав это, я подумал: «Если собака может научиться входить в *самадхи*, для меня это должно быть не такой уж трудной задачей».

Я спросил Бхагавана: «Почему вы не научите меня *нирвикальпа-самадхи*?» «Какой тебе от этого прок? – ответил Бхагаван. – Ты должен быть в *сахаджа-нирвикальпа-самадхи*¹⁷. Живя в миру, должен быть непривязанным к нему. Видя всё, ты должен быть в состоянии не-видящего».

Несколько лет спустя Бхагаван рассказал немного об этой собаке: «Здесь жила собака. Она всегда спала передо мной. Даже во время бодрствования она была погружена в *нирвикальпа-самадхи*. Когда она забеременела, администрация ашрама прогнала ее, опасаясь, что она родит в ашраме щенков. Собака ушла недалеко наверх по склону и родила щенков там. Покормив их на склоне, она возвращалась и ложилась передо мной».

Примерно в то время к Бхагавану из Мадурая приехал один мой приятель, весьма ортодоксальный. Когда он сел, чтобы принять пищу, один из щенков этой собаки подошел и понюхал его тарелку. Мой приятель отказался есть эту пищу, потому что ему казалось, что щенок осквернил ее. На это Бхагаван улыбнулся и начал рассказывать ему историю из жизни Даттатреи, прославленного Гуру древности.

«Однажды Даттатрея и один из его учеников шли к Гуру Даттатреи. По дороге Даттатрея предупредил ученика, что его Гуру может явиться в любой форме. Гуру явился как факир-мусульманин. Совершив простирание, Даттатрея и его ученик сели, чтобы принять пищу. Гуру достал из своей сумки кусок хлеба, обмакнул в свежее собачье молоко и подал Даттатрее. Даттатрея разломил хлеб на две части, одну оставил себе, а другую отдал ученику. Ученик, оказавшись не в состоянии преодолеть отвращение к собачьему молоку, не стал есть свой кусок. Он спрятал его, а затем выкинул. Немного спустя Даттатрея спросил ученика: „Ты съел свой хлеб?“ Ученик сказал правду. Тогда Даттатрея взял кусок хлеба, который ел его Гуру, и дал съесть ученику».

---

¹⁶ Мужчины-брахманы носят шнур, протянутый от левого плеча через грудь к правому боку, – это атрибут кастового отличия. Раз в год, на Шравана-Пурниму (полнолуние в августе) в ходе особой церемонии им вручается новый шнур. Такли – это маленькое устройство для того, чтобы скрутить хлопковые волокна в шнур.

¹⁷ Нирвикальпа-самадхи – состояние, похожее на транс, при котором присутствует временное осознание Я, но нет осознания своего тела и мира. Сахаджа (естественное) нирвикальпа-самадхи, как говорит Бхагаван, – наивысшее состояние. У пребывающего в этом состоянии полное и постоянное осознание Я и способность нормально функционировать в мире.

Бхагаван рассказал эту историю моему приятелю и затем попросил его съесть пищу с тарелки, до которой дотронулась собака. Мой приятель ее съел. Когда это случилось, меня там не было. Мать Бхагавана во всех подробностях рассказала мне об этом в мой следующий приезд.

Были также и другие животные, которые чувствовали величие Бхагавана.

Бхагаван однажды сказал мне: «Не надо думать, что Аруначала – это всего лишь груда камней. В ее пещерах живет много йогов и святых».

Это замечание навело его на воспоминания о совершенно особенном животном, приходившем к нему. Он рассказал, что на один из его *джаянти* (празднований дня рождения) в Скандашрам явился золотистый мангуст, обошел все комнаты, а затем ушел. Бхагаван предположил, что одна из великих душ явилась к нему в этой форме, чтобы дать ему *даршан*.

Вороны, собаки, обезьяны, бурундуки, овцы и многие другие животные приходили к Бхагавану. Многие из них инстинктивно ощущали его доброту и величие, получали его *даршан* и уходили. Только человек полагается на свой интеллект и тогда не ощущает величие Бхагавана. Когда мы смотрим на Бхагавана сквозь искаженную призму ума, нам кажется, что Бхагаван – самый обычный, незначительный человек.

Обезьяны часто посещали Скандашрам, чтобы порезвиться на деревьях и увидеться с Бхагаваном. Однажды, когда я приехал на *даршан* из Мадраса, пришла целая стая. Одна из обезьян подошла к Бхагавану, села ему на колени и приобняла. Казалось, что она хихикает и что-то говорит Бхагавану.

Бхагаван сказал: «Обезьяна рассказывает мне, что сегодня она стала царем обезьян. Посмотри на обезьян, которые сидят на стене. Вот эта обезьяна – царица, первая леди королевства, а та, вторая, – младшая царица». Затем, указав на других обезьян, он продолжил: «Вот сидит главнокомандующий его армии. Все остальные – его солдаты».

Там собралось около сотни обезьян. От радости и возбуждения они прыгали по деревьям, ломая ветки, и производили много шума.

Бхагаван погладил царя по голове и сказал: «Мальчик-калека сегодня стал царем. Он пришел, чтобы сообщить мне хорошую новость».

Поскольку некоторые преданные не знали историю Нонди, «мальчика-калеки», Бхагаван повторил ее для них: «Эта обезьяна была еще детенышем, когда я был в пещере Вирупакша. Однажды другие обезьяны покусали его, нанесли ему много увечий и ушли, бросив одного. Бедный израненный малыш пришел ко мне, и я ухаживал за ним, пока он не поправился. Уже тогда я знал, что когда-нибудь он станет царем. Сегодня это случилось. Обезьяны обычно не принимают обезьяну, за которой ухаживал человек, но когда этот малыш выздоровел, его приняли обратно в стаю».

Однажды, приехав в ашрам, я узнал, что Бхагаван сидит на диете из риса и дала (суп из маша). Человек, выдававший себя за управляющего ашрамом, посадил Бхагавана на эту диету. Чтобы Бхагаван неукоснительно соблюдал эту диету, он отвергал все подношения пищи, которые присылали Бхагавану. Я немного огорчился, потому что привез из Мадраса бананов, чтобы предложить их Бхагавану. Поскольку было ясно, что есть бананы ему не позволят, я спросил совета, что мне с ними делать.

«Поступай как обычно», – ответил Бхагаван.

Когда Бхагаван принимал пищу, я поднес ему бананы. Увидев это, «управляющий» начал ругать меня, говоря, что я нарушаю предписания, данные им Бхагавану. Бхагаван вмешался и спросил: «А чем я болен, и почему я на диете?»

Еще один посетитель, приехавший из Мадраса, включился в спор. Он спросил, обращаясь к Бхагавану: «За какую цену этот человек купил вас?»

Бхагаван улыбнулся и в шутку ответил: «За 5000 рупий». Затем добавил: «Когда человек приходит ко мне впервые, он стоит на почтительном расстоянии и совершает поклоны. В

каждый последующий день он подходит все ближе. А однажды, когда начинает чувствовать себя уверенно, он берет в руки палку и начинает приказывать всем остальным посетителям. Он кричит: „Пойди туда! Пойди сюда!“ А на следующий день назначает себя управляющим ашрама».

В течение недели этого «управляющего» вышвырнули из ашрама преданные. Я должен сказать, что в то время в ашраме мог оставаться любой – до тех пор, пока он выполнял возложенную на него работу. Если он отказывался работать, то должен был уйти.

Мне казалось странным, что у людей, приходивших служить Бхагавану, надменность и эгоизм зачастую усиливались, а не уменьшались. Однажды я спросил его об этом.

«Как получается, что эго некоторых ваших преданных, вместо того чтобы уменьшаться, растет от общения с вами?»

Бхагаван ответил: «Прежде чем исчезнуть, эго должно сначала вылезти оттуда, где оно прячется. Когда греют воду, она сначала закипает, переливается через край, а затем только испаряется».

Бхагаван сам настаивал на том, что должен съедать хотя бы часть предлагаемых подношений пищи, и потому нередко шел на поводу у высокомерных и заблуждающихся преданных. Так, один из таких преданных еще во времена жизни в Скандашраме регулярно подносил Бхагавану шарики из листьев *ганджи* (конопли).

Мать Бхагавана однажды сказала мне: «Как-то раз Бхагавану дали особенно много *ганджи*. Если бы кто-нибудь другой съел столько, он бы точно умер. Бхагаван сидел целый день с глазами, красными, как кровь».

Выслушав этот рассказ, я сказал этому преданному, чтобы он больше не давал Бхагавану *ганджу*. Я также попросил Бхагавана не принимать ее. Он ответил: «Что я могу поделать? Я должен принимать все, что предлагают мне преданные».

Как-то беседуя с Бхагаваном, я заметил, что его десны сильно «отступили» от зубов. «Вы моложе меня, – сказал я ему. – Почему ваши зубы в таком состоянии?» Бхагаван ответил: «Один человек дал мне яд, чтобы проверить меня. Яд меня не убил, но разъел мне все десны». Я посочувствовал ему: «Когда Бог Шива проглотил *халахала* [яд], Мать-Парвати была рядом и позаботилась о нем. Она посоветовала Шиве держать яд в горле и не глотать его, дабы он не попал в желудок. А вот Вам не повезло – у Вас не было Парвати, чтобы уберечь Вас».

В один из своих визитов в Скандашрам я заметил, что у Бхагавана из ноги идет кровь. Он только что совершил омовение и вытирался полотенцем.

«Что это за рана?» – спросил я с тревогой. Бхагаван, до этого не замечавший ее, ответил: «Не знаю».

«Как такое возможно, Бхагаван, что вы даже не замечаете, что у вас из ноги так сильно течет кровь?» Я был искренне удивлен этому.

Обдумав все возможные варианты, Бхагаван сказал: «Думаю, мне на ногу упал уголек из курильницы для благовоний и вызвал ожог». Я принес кое-какие лекарства и нанес на рану, осознавая при этом, насколько далек Бхагаван от своего тела.

Это понимание еще больше углубилось после одного случая. Мы с Бхагаваном шли по лесной тропинке вокруг горы, и в какой-то момент я наступил на колючку. Увидев, как я хромаю позади него, Бхагаван остановился, вернулся ко мне и вытащил колючку из моей стопы. Через несколько ярдов настала очередь Бхагавана: он тоже наступил на колючку. Я подбежал к нему, осмотрел его стопу и был потрясен: из нее торчало множество шипов! Некоторые были старыми, а некоторые – новыми. На другой стопе я увидел ту же картину. «Какие колючки ты собираешься вытаскивать? – спросил Бхагаван, смеясь, – Старые или новые?» Бхагаван обломал торчавшую колючку, шаркнув ногой по земле, и пошел дальше, ничуть не озаботившись. Разве это не доказательство того, что он не был отождествлен с телом? Вспоминая эту исто-

рию, я думаю, что Бхагаван намеренно показал мне, что перестал отождествлять себя со своим телом.

В другой раз, когда мы были в Скандашраме, я ощупал ногу Бхагавана от пятки до колена и сказал: «В детстве, когда мы играли и наши ноги соприкасались, ваши ноги были как железо. Ваша кожа была такой грубой, что казалось, будто меня царапали колючки. Теперь ваша кожа другая, она похожа на бархат». Бхагаван прокомментировал: «Да, мое тело полностью изменилось. Оно уже не прежнее¹⁸».

Несмотря на то что Бхагаван мог ходить, не обращая внимания на шипы, вонзающиеся ему в ноги, кожа его была очень чувствительной. Однажды группа, совершавшая паломничество в Пандхарпур, зашла в ашрам принять пищу. Уходя, паломники подошли к Бхагавану обняться. Воспользовавшись случаем, я тоже решил обняться с ним, но при этом заметил, что кожа его сильно покраснела.

«Что случилось? – спросил я. – Почему ваша кожа так покраснела?»

Бхагаван ответил: «Они обнимали меня так же, как обнимали бы мурти в Пандхарпуре. Там Бог сделан из камня, а мое тело покрыто кожей. Кожа краснеет, такова ее природа».

Я пришел к выводу, что тело Бхагавана было столь чистым и чувствительным, что от неделикатного касания на коже оставались следы.

Не то чтобы Бхагаван не замечал боли – он просто был от нее отстранен. Я думаю, что на самом деле он испытывал больше боли, чем мы, и не только потому, что много болел, но и потому, что испытывал боль даже тогда, когда некоторые подходили к нему близко. Однажды он рассказал мне, что как-то к нему на поклон пришли некие люди, и он чувствовал себя так, будто его избивают. Я подумал, что эти люди, должно быть, были страшными грешниками, раз их присутствие так действовало на Бхагавана.

Я докучал Бхагавану самыми разными духовными вопросами. Иногда он отвечал терпеливо, а иногда ограничивался стандартным ответом: «Выясни, кто задает этот вопрос».

Однажды я сказал ему: «Бхагаван! Сомнения разрывают мой ум на части».

«Истинный ты – Тот, у кого нет никаких сомнений, – сказал Бхагаван. – Выясни, кто Он, и концентрируйся на Нем».

«Таких факторов, как время и расстояние, нет, – ответил Бхагаван. – За один час сна мы можем увидеть, как прошло много дней и лет. Разве ты не видел в кинотеатре, как простые тени превращаются в моря, горы и строения? Мир не снаружи тебя. Он разворачивается внутри тебя, как в кино. Маленький мирок, находящийся в уме, представляется огромным внешним миром».

Поскольку меня мучило чувство, что я не прогрессирую духовно, я однажды пожаловался Бхагавану: «Ваша милость не распространяется на меня!»

Бхагаван ответил: «Ты говоришь как человек, который стоит по плечи в Ганге во время разлива и жалуется на жажду, и при этом желает, чтобы воды ему принесли из крана в Танджавуре¹⁹».

«Что вы скажете о Кайласе и других мирах? – спросил я однажды. – Существуют ли они на самом деле?»

На этот вопрос я получил очень короткий ответ: «Всё это порождения *майи*».

В другой раз, когда было больше уверенности, что я получаю милость Бхагавана, я сообщил ему: «Так как мне повезло получить *даршан* Бхагавана, мои *агами*- и *санчита*-кармы сторели, как бумага. Осталась только *прабдха*-карма²⁰».

---

¹⁸ В других случаях, когда Бхагаван рассказывал эту историю, он говорил, что его слова были такими: «Это уже не прежнее тело. Прежнее тело сгорело в *джняни* (огне джняны)». Садху Ом в личной беседе сказал мне, что сам Ранган в 1940-х гг. рассказывал ему эту историю в таком варианте.

¹⁹ Ганга течет в Северной Индии. Танджавур находится на юге в тысяче миль от Ганги.

²⁰ Многие индуистские философские школы выделяют три вида кармы: 1) санчита-карма – кармические долги, накопив-

Бхагаван ответил: «Пока существует ум, *прарабдха* будет действовать. Но когда ум уничтожен, где эта *прарабдха* и на кого она действует²¹?»

Обычно Бхагаван очень терпеливо отвечал на мои вопросы, но однажды он заметил: «У тебя слишком много сомнений. Ты всегда хочешь, чтобы я их развеял. Но некоторые из тех, кто приходит сюда, просто сидят передо мной и в безмолвии улавливают то единственное, что нужно знать. Затем уходят, не говоря ни слова».

«Что же я могу сделать, Бхагаван? Если твой сын – никчемный болван, ты должен разговаривать с ним так часто, как это необходимо, чтобы вбить знания в его тупую башку». Бхагаван улыбнулся, но ничего не ответил.

Бхагаван предпочитал сидеть в безмолвии, когда ему не докучали вопросами. Это было его естественное состояние.

Однажды он сказал мне: «Я там, где нет слов».

«Почему же вы разговариваете?» – спросил я.

«Из сострадания», – ответил он.

Бхагаван демонстрировал невероятное терпение, когда люди приходили к нему поговорить. Когда он жил в Скандашраме, заявился ученый господин, говорящий на малаялам, который был также адептом йоги.

Он читал лекцию в течение четырех часов. Бхагаван терпеливо слушал, но во время заключительной части лекции заметил: «Вы сказали всё, что хотели сказать. Цель вашей практики йоги – получить какие-то видения и услышать какие-то звуки. Когда это случается, ум уходит в „спячку“, но потом все равно активизируется. Вы должны попытаться полностью уничтожить ум. Только полное уничтожение ума есть *джняна*». Казалось, этот господин согласился с ним: «Да, да. Все, что Вы говорите, правда». И несмотря на это, попрощался с Бхагаваном и ушел.

Бхагаван мог превратить самое будничное событие в повод для духовного наставления. Например, однажды Рамасвами Пиллай искал потерянный ключ. Через некоторое время он пришел в холл и рассказал Бхагавану о пропаже. Бхагаван сказал ему: «Ключ там, где был всегда. Он не потерялся. Потерялась только твоя память. *Атман* [Истинное Я] есть везде и всегда, но из-за *аджняны* [невежества] мы тратим время на его поиски».

Когда я сопровождал Бхагавана в одном из его подъемов на вершину Аруначалы, он превратил одно из моих замечаний в небольшую *упадешу* (урок). Когда мы смотрели вниз, я сказал: «С этой высоты все вещи и все существа кажутся одинаковыми». Бхагаван согласился и представил мое высказывание в философском ракурсе: «Да, когда идешь вверх, видишь, что все вещи одинаковы».

шиеся с предыдущих жизней; 2) прарабдха-карма – часть *санчита-кар*-мы, которая должна быть проработана в этой жизни; 3) агами-карма – новая карма, накапливающаяся в этой жизни и переносющаяся на будущие жизни.

²¹ Многие учителя веданты учили, что в момент просветления санчита- и агами-кармы уничтожаются, а прарабдха-карма остается. Это значит, что тело просветленного существа должно исполнять то, что назначено судьбой, до самого момента физической смерти. Бхагаван не соглашался с этим, утверждая, что в момент освобождения уничтожаются все три вида кармы. В качестве примера он говорил, что когда умирает мужчина, у которого три жены, вдовами становятся все три, а не две из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.